

Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. №5.

Thelen E., Smith L. A. Dynamic systems approach to the development of cognition and action. Cambridge; MA, 1994.

Thelen E., Smith L. Dynamic systems theories // Theoretical models of human development. Handbook of child psychology. New York, 1998. Vol. 1.

1.2. АКТИВНОСТЬ СУБЪЕКТА: ЕЕ ГРАНИЦЫ В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ ЖИЗНИ¹

Под активностью в широком смысле этого слова понимается имманентно присущее живому существу самоосуществление, самопроизвольное, спонтанное, внутренне необходимое движение. Простота и ясность этого определения создают иллюзию столь же ясного и согласованного толкования понятия «активность» многими исследователями. Однако это не совсем так.

Подходы к проблеме активности

По мнению А.Г. Асмолова (Асмолов, 1990), в психологии можно выделить три подхода, по-разному раскрывающие сущность принципа активности. Согласно первому из них активность обнаруживает себя в избирательности и пристрастности деятельности субъекта. Селективность отношения к миру обеспечивается мотивационно-потребностными предпочтениями личности, через которые, согласно С.Л. Рубинштейну, как через внутренние условия преломляются внешние воздействия, а также ожиданиями, предвосхищением возможных результатов действия установками, гипотезами и др. («образ потребного будущего», Н.А. Бернштейн; «акцептор результатов действия», П.К. Анохин; «установка», Д.Н. Узнадзе). Комментируя позицию С.Л. Рубинштейна по проблеме детерминации психического, А.В. Брушлинский пишет: «Недостаточно просто иметь в виду бесспорный факт постоянного взаимодействия внешнего и внутреннего, выступающих одновременно. Нужно всегда учитывать, что взаимодействие индивида с внешним миром начинается с воздействия второго на первое. Следовательно, сохраняется существенное различие между внешним и внутренним, исключаящее их рядоположенность, которая лишь подчеркивается их одновременностью... Образуется единый развивающийся процесс: сама подверженность тем или иным

¹ Автор данного параграфа – Н.Е. Харламенкова.

внешним воздействиям обусловлена также и внутренними условиями, специфическими особенностями того, на кого оказывается воздействие. В этом смысле внешнее, действуя через внутреннее, существенно зависит от него» (Брушлинский, 1989, с. 100).

Второй подход связан с пониманием психических процессов как творческих, продуктивных, как процессов порождения психического образа (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин). По мнению А.В. Брушлинского, любое мышление одновременно является творческим, поскольку психическое как процесс осуществляет регуляцию отношений с действительностью и в ней исходно не задан весь ход решения проблемы (задачи). В этом смысле термин «репродуктивное мышление» не корректен. Мышление всегда продуктивно (Брушлинский, 2003). Утверждается, что реже, чем ожидается, человек попадает в неопределенную ситуацию с «плохо сформулированными задачами», в которой требуется проявление его творческой активности. С точки зрения А.Г. Асмолова, человек как активный «элемент» разных социальных общностей постоянно сталкивается с задачей соотношения тех целей, которые ему приходится осуществлять в ситуациях, выдвигающих разные требования. При этом оказывается, что действия субъекта, направленные на решение этих задач, не оправдывают ожидания исследователей, которые рассматривают их по аналогии с рефлекторным, шаблонным реактивным поведением в стационарной среде. «Наряду с проблемой установки, – отмечает А.Н. Леонтьев, – в психологическом анализе деятельности открылась и еще одна, пожалуй, самая сложная проблема. Это проблема явлений активности, которые образуют трудно улавливаемые в эксперименте, но тем не менее реальные моменты человеческой деятельности, воздвигающие ее над функцией прямой и косвенной адаптации к наличным или предлагаемым требованиям ситуации. Моменты эти составляют как бы внутреннюю предпосылку самодвижения деятельности и ее самовыражение. Но эта проблема, на которую мы постоянно наталкиваемся в живой человеческой жизни, остается сейчас едва затронутой экспериментальным исследованием, и ее разработка в огромной степени остается делом будущего» (Леонтьев, 1979, с. 13).

Третий подход формулирует идею самодвижения деятельности и неотрывает от принципа неадаптивной природы человеческого поведения. В.А. Петровский подчеркивает надситуативную природу активности человека как стремление выйти за границы ситуации, предвидеть будущее. В отличие от предыдущего подхода, неадаптивный характер активности определяется не условиями ситуации, а особенностями организации внутреннего мира личности, которые создаются

под влиянием постоянного нарушения человеком принципа редукции напряжения, с целью преодоления состояния равновесия. «Исходным для исследования явилось положение о том, что развитие человеческой деятельности, ее движение не может быть понято в рамках постулата сообразности, утверждающего адаптивную направленность психических процессов и поведенческих актов субъекта, что, иными словами, деятельности свойственно особое качество, которое состоит в ее способности переходить за пределы функции приспособления субъекта, как бы широко последнее ни трактовалось. В этом особом качестве, как мы предположили, находит свое выражение собственно активность субъекта» (Петровский, Петровский, 1983, с. 231–232).

С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что в активности воедино связана отражательная и регулятивная стороны деятельности субъекта. Раскрывая это положение, сформулированное Рубинштейном, А.В. Брушлинский отмечает, что «психическое явление, опосредствующее внешние воздействия на индивида, – это и *отражение* действительности, и звено в *регуляции* деятельности. Психическая регуляция осуществляется, по Рубинштейну, в двух формах: 1) побудительной, мотивационной и 2) исполнительной. С первой из них связаны характерологические свойства личности, со второй – способности. В итоге – по мере развития психической деятельности – мир, который сначала действует на организм как совокупность *раздражителей*, вызывающих соответствующие *реакции*, выступает перед человеком как система *объектов*. Тем самым совершается переход от реакций на раздражители к *действиям* над *объектами* и к *поступкам* по отношению к *людям*» (Брушлинский, 1989, с. 94). Выступая против непосредственной связи сознания и деятельности, С.Л. Рубинштейн предлагает включить в нее личность, личностный принцип. Он понимает личность как целостную совокупность внутренних условий, через которые и проявляются внешние воздействия.

Традиционно активность психического, по мнению И.А. Джидарьян связывается либо с механизмами целеполагания, апперцепции, с объективацией и регуляцией, либо с отдельными актами – сознанием, волей, намерением, либо с определенными состояниями – установками, отношением, либо с действиями и движениями (Джидарьян, 1988). Однако существенным моментом в изучении феномена и категории активности является положение о том, что активным может быть именно человек, причем человек как субъект собственной жизни во всем многообразии его проявлений.

Рассматривая активную природу человека, нельзя тем не менее отрицать, что в его поведенческих проявлениях имеют место как ак-

тивные, так и реактивные формы взаимодействия с другими объектами. Именно поэтому мы изучаем не только иницирующие формы поведения человека, но и различные варианты стереотипий, персевераций, произвольности и конформизма.

Активность личности и активность субъекта

Говоря об активности человека, следует остановиться на некоторых особенностях активной позиции *личности*, сравнивая ее с *субъектом* активности, субъектом деятельности. Прежде всего, важно подчеркнуть, что активность личности в большей степени определяется ее социальной активностью, опосредованной ее внутренней природой, внутренними особенностями, а активность субъекта – степенью интеграции природного и социального, общественного и индивидуального, актуального и потенциального, т.е. противоположностей, образующих благодаря субъекту широкое пространство возможностей.

Понимая, что разграничение понятий «активность личности» и «активность субъекта» довольно *условно*, выделим, однако, четыре особенности *активности* человека как *личности*.

1. *Форма активности*. Активность личности выражается в определенной форме, которая называется деятельностью. Именно деятельность структурно (т.е. через определенную мотивационно-целевую и действенно-операциональную стороны) включает человека в социальные и культурные связи; она *определяет (задает) границы* функционирования личности. При этом под деятельностью принято понимать «некоторую более или менее сложную совокупность или систему процессов, которые осуществляют определенные жизненные отношения индивида» (Леонтьев, 1994, с. 230–321).

2. *Характер влияния личности на деятельность*. Личность часто рассматривается как продукт таких взаимосвязей, отношений (культурно-историческая теория Л.С. Выготского), при этом ее влияние на деятельность вовсе не исключается, поскольку через соотношение мотивов и целей именно в деятельности реализуются личностные смыслы. В результате такого влияния деятельность приобретает индивидуальный характер, специфически «окрашивается», но существенно не реорганизуется.

3. *Объект влияния*. Личность через свои социально-психологические особенности влияет на *продукт (результат)* деятельности, эксплицитно или имплицитно задавая себе вопрос: «Ради чего совершается деятельность?». В этом смысле термин «личность» обозначает совокупность устойчивых психических свойств, а понятие «деятельность» – достаточно ограниченную (требованиями, условия-

ми, пространственно-временными регламентациями) сферу человеческой активности.

4. *Направленность и границы активности.* Развитие личности обусловлено развитием в деятельности, т.е. ее динамикой в процессе онтогенеза, обусловленного переходом от одного вида деятельности к другому, от одной стадии к другой (модели развития З. Фрейда, Э. Эриксона, Д.Б. Эльконина и др.). Лишь малую долю в развитии личности занимает ее свободное функционирование.

Особенности *активности* личности как *субъекта деятельности* проявляются в форме активности, характере влияния на деятельность, в объекте влияния, в направленности и границах активности. Рассмотрим каждый из этих факторов.

1. *Форма активности.* Субъект деятельности, в отличие от личности, относительно *свободен от обстоятельств.* Деятельность субъекта выходит за пределы адаптивной, приспособительной активности и выражается в преобразующем влиянии, изменении этой деятельности, имеет творческий самостоятельный характер.

2. *Характер влияния на деятельность.* Субъект оказывает *реорганизующее влияние* на деятельность, осуществляя ее *регуляцию за пределами актуально осуществляемой деятельности.* Это активность в собственном смысле этого слова. Деятельность субъекта встроена в пространство жизни, поэтому при ее реальном осуществлении в ходе актуальной деятельности учитываются прошлый опыт и, что, по-видимому, самое главное, антиципируются направленность и характер деятельности в будущем. Субъект регулирует, антиципирует, моделирует деятельность посредством своей активности через механизмы самоактуализации, самоутверждения и самореализации¹.

3. *Объект влияния.* Личность влияет на результат деятельности, а субъект (через механизмы инициативы и ответственности) – и на ее результат, и на процесс. Активность субъекта, по К.А. Абульхановой-Славской, проявляется в определении задач деятельности, т.е. способа сочетания условий и требований, трудностей и усилий, которые требуются для их решения. Личность *организуется субъектом* для

¹ Самореализация – ощущение собственной состоятельности в проекции на определенный возраст; предметом самореализации являются дарования, способности, таланты. Самоутверждение – стремление к подтверждению собственной ценности с целью поддержания чувства собственного достоинства. Самоактуализация – интеграция самореализации и самоутверждения в стремлении человека быть тем, кем он может быть.

разрешения трудностей и *противоречий*, для создания *способа разрешения противоречий*.

4. *Направленность и границы активности*. Развитие субъекта определяется его функционированием в ходе жизни, которое не описывается в категориях стадий развития и не определяется фиксированными временными границами. По К.А. Абульхановой-Славской, категория субъекта, которая интегрирует в себе три аспекта – способ организации жизни и деятельности, способ разрешения противоречий и совершенствование, обозначает высший уровень развития личности. Отмечается, что этот акт становления личности субъектом имеет «временную протяженность всей жизни и ее предельность» (Абульханова, 2005, с. 12), и, «становясь субъектом, личность выступает в *новом качестве*» (Абульханова, 2005, с. 16). Согласно А.В. Брушлинскому, уже ребенок проявляет определенные признаки субъекта, отделяя себя от окружающего мира и формируя систему понятий, обобщений. «Субъект – это человек, люди на высшем (индивидуализировано для каждого) уровне деятельности, общения, целостности, автономности и т.д. Любой человек не рождается субъектом, а становится им, начиная примерно с 7–10 лет, когда он постепенно овладевает хотя бы простейшими понятиями (арифметическими, грамматическими и т.д.), в которых он все более полно раскрывает существенные свойства и отношения объекта» (Брушлинский, 2006, с. 547–548).

В анализе проблемы активности наиболее острым является вопрос о ее соотношении с деятельностью. И.А. Джидарьян пишет, что широкое использование понятия деятельности в психологической науке создавало ситуацию, в которой была велика вероятность поглощения одной категории другой. Тем не менее понятие активности не только не оказалось лишним, но и приобрело в современной психологии особую актуальность, в связи с чем обе эти категории – деятельность и активность – продолжают быть одинаково необходимыми для психологии.

Обращаясь к психологической теории деятельности, И.А. Джидарьян отмечает, что в ней активность не является исходной характеристикой поведения человека. По мнению А.Н. Леонтьева, «деятельность должна быть понята как процесс, осуществляющий жизнь субъекта, процесс, направленный на удовлетворение предметных потребностей субъекта» (Леонтьев, 1994, с. 247). Но именно в том, выступает ли индивид как субъект деятельности, т.е. является ее инициатором или только простым исполнителем, и состоит цель психологического исследования деятельности с помощью категории «активность–пассивность» (Джидарьян, 1988, с. 83). Категория «активность» по-

зволяет обозначить отношение человека к окружающему миру с точки зрения «самодвижения, саморегуляции, т.е. со стороны своего источника движущих сил, преобладания внутренних условий над внешними» (Джидарьян, 1988, с. 85), она характеризует «особое качество человека как субъекта деятельности, благодаря которому он выходит за пределы заданных условий и обстоятельств жизнедеятельности, проявляя инициативу, творческий поиск, добиваясь максимальной мобилизации внутренних резервов и возможностей целенаправленного изменения и преобразования мира» (Джидарьян, 1988, с. 85–86).

Согласно К.А. Абульхановой-Славской, проблема соотношения активности и деятельности принципиально важна, поскольку ее решение синтезирует представления о природе человека как субъекта не только деятельности, но и жизнедеятельности. Активность предшествует деятельности во времени, являясь источником личностного выбора; одновременно активность сопутствует деятельности, поддерживая ее. «Принципиальное отличие активности и деятельности состоит в том, что деятельность исходит из потребности в предмете, а активность – из потребности в деятельности... Для деятельности зависимость от предмета потребности будет непосредственной (опосредованной соответственно на уровне личности ее мотивами, волей и т.д.), а для активности эта зависимость опосредована деятельностью» (Абульханова-Славская, 1991, с. 77). Активность реализуется через мотивацию, ценности и убеждения, поэтому имеет тенденцию проявляться в таких формах, как инициатива и ответственность. В инициативности находят выражение побуждения и желания субъекта, а в ответственности – правила, требования и т.д., т.е. в целом необходимость, осуществляемая добровольно. По-видимому, обе формы активности могут оцениваться по уровню своего выражения в какой-либо конкретной предметной деятельности (например, учебной, профессиональной и др.), при этом сохраняя свое значение для лучшего понимания индивидуальной жизни в единстве прошлого, настоящего и будущего. Динамика ответственности и инициативы прямо не зависит от возраста, хотя истоки той и другой формы активности лежат в детско-родительских отношениях, в умении близких людей относиться к своему ребенку как к отдельной личности и в готовности ребенка использовать это право для самовыражения и самореализации, для подтверждения авторства собственной жизни.

Активность субъекта и жизненный путь

Активность субъекта, с нашей точки зрения, может быть адекватно определена только при анализе всего жизненного пути человека,

когда исследователь интегрирует ретроспективные и перспективные линии развития, определяя психологические механизмы, обеспечивающие этот процесс. Недостаточность сопоставления активности и деятельности для определения сущности первой из них заключается в том, что активность представляет собой особую реальность, не улавливаемую так очевидно, как деятельность в ее предметности. «Специфика предметной детерминации образа мира состоит в том, – пишет А.Г. Асмолов, – что объекты внешнего мира не сами по себе непосредственно воздействуют на субъекта, а определяют формирование образа, лишь преобразовавшись в деятельности, превратясь в ее продукты и приобретя тем самым не присущие им от природы системные качества» (Асмолов, 1990, с. 92). При этом, как нам думается, сам «акт» включения субъекта в деятельность и иные проявления его активности не всегда могут быть объяснены строго в терминах предметной детерминации и именно поэтому нуждаются в специальном анализе. В качестве предварительного замечания к последующему изложению авторского видения активности субъекта необходимо сказать, что не совсем подходящим для сравнения понятий «активность» и «деятельность» является и топографический критерий, позволяющий рассматривать психологическое пространство с точки зрения расположения его частей, а именно с позиции сопоставления деятельности и активности по принципу «больше–меньше», «шире–уже» «целое–часть». Обычно подобный анализ исчерпывается определением общего и особенного и не раскрывает сущности изучаемого конструкта.

В данном параграфе внимание акцентируется на изучении психологических механизмов, реализующих активность субъекта на всем пространстве жизни, в их своеобразии относительно прошлого и будущего, точнее, ретроспективы и перспективы. По мнению Л.И. Анцыферовой, психологические механизмы «можно представить себе как закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способы преобразования, в результате которых появляются различные психологические новообразования, повышается или понижается уровень организованности личностной системы, меняется режим ее функционирования» (Анцыферова, 1981, с. 8). Психологические механизмы можно рассматривать как способы преобразования структуры личности вследствие того, что они «являются механизмами реальных или мысленных преобразований взаимоотношений индивида с обществом, с миром в целом» (Анцыферова, 1981, с. 8). В связи с этим при исследовании активности субъекта предполагается учитывать не столько топографический, сколько динамический и структур-

ный критерии научного анализа, с помощью которых раскрывается системный характер происходящих с субъектом преобразований.

Жизненный путь человека как предмет психологического исследования традиционно строится в линейной перспективе, включающей прошлое, настоящее, будущее, при этом принципы анализа временной перспективы могут варьироваться, а «линейность» подхода не меняться. Например, в причинно-целевом подходе А.А. Кроника и Е.И. Головахи в качестве принципа анализа психологического времени выступает характер связи между событиями: «единицей психологического прошлого выступает *реализованная связь* между событиями хронологического прошлого, единицей психологического настоящего – *актуальная связь* между событиями хронологического прошлого и будущего, единицей психологического будущего – *потенциальная связь* событий хронологического будущего» (Головаха, Кроник, 1984, с. 75–76). Несмотря на то что межсобытийная связь рассматривается как единица психологического анализа времени жизни, прошлое, настоящее и будущее так и остаются ее исходными составляющими.

В субъектно-деятельностной парадигме (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский) по сравнению с категориями «прошлое», «настоящее», «будущее» наиболее предпочтительными становятся категории ретроспективы и перспективы, хотя в ряде случаев обращение к этим понятиям носит сугубо имплицитный характер (Абульханова, 2000). Тем не менее отказ от традиции анализировать жизненный путь по восходящей линии, разделенный на три временных отрезка, раскрывает специфику особого подхода к личности как к субъекту жизни.

Критикуя концепцию Ш. Бюлер, С.Л. Рубинштейн уже в «Основах общей психологии» (1935 г.) показывает, что жизнь личности – специфический процесс, не сводимый к типичным стадиям и этапам жизнедеятельности человека. Именно личность следует рассматривать «как основание периодизации жизненного пути», раскрывая «зависимость жизненного пути от личности» (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989, с. 220). Введение понятия «субъект» позволяет соединить между собой «типизирующий и индивидуализирующий подходы» и показать, что человек является творцом своей жизни, определяя ее направление, интенсивность, многоплановость, *способ взаимодействия* с действительностью. По мнению К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинского, С.Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» выделил два аспекта развития – связь генетически последовательных стадий развития с их качественной определенностью в зависимости от оптимально/неоптимально происходящего функциониро-

вания личности. «Иными словами, качественные изменения строения психики, сознания, личности и т.д. на каждой последовательной стадии их развития и появление новообразований в них, более того, возникновение новых способов их функционирования, в свою очередь, зависят не от имманентно складывающегося соотношения стадий, а от характера функционирования, т.е. взаимодействия с действительностью» (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1998, с. 53–54). По С.Л. Рубинштейну, функционирование личности, проявляющееся в ее активности, в выборе ею собственного способа взаимодействия, в умении быть инициативной и ответственной, есть основа жизнедеятельности человека.

На наш взгляд, идея С.Л. Рубинштейна о принципиальной несводимости процесса развития человека как субъекта жизни к стадиям развития имеет отношение и к более крупным единицам такого анализа – к прошлому, настоящему, будущему. Выбор иного ракурса исследования проблемы активности – ракурса ретроспективы и перспективы – продиктован тем, что в первом случае движение возможно только в одну сторону (от прошлого к будущему), а во втором – в обе. Модель ретроспективы и перспективы поддерживает идею обратимости развития, безусловно, не в смысле «оздоровления» и «омоложения» организма, а в смысле ментального «возвращения» к своему опыту как к ресурсу развития средствами психологического анализа прожитой и дальнейшей жизни, когда субъект выходит за пределы хронологического возраста, расширяя границы своего биологического существования. Ж. Пиаже считал обратимость важным условием развития интеллекта. В отличие от восприятия, которое необратимо, интеллект «может сконструировать гипотезы, затем их отстранить и вернуться к исходной точке, пройти путь и повторить его в обратном направлении, не меняя при этом используемых понятий» (Пиаже, 1969, с. 100). С появлением конкретных операций появляется и возможность овладевать расстояниями, «теперь это уже не неподвижные состояния или пути, выхваченные мыслью, а сами трансформации, всегда позволяющие перейти от одной точки в другую и наоборот», с появлением формальных операций окружающая реальность «становится даже более чем реальностью, потому что открывается целый мир того, что может быть построено, и потому что мышление становится свободным по отношению к реальному миру» (Пиаже, 1969, с. 206).

Определившись с *предметом исследования*, т.е. с изучением психологических механизмов активности субъекта в ретроспективе и перспективе жизни, перейдем к изложению ключевых положений разработанной нами теоретической модели.

Под *активностью субъекта* нами понимается способность человека к предсказанию своего жизненного пути (его направленности, достижений, препятствий и др.), а также к его регуляции средствами ретросказания при обращении к своему опыту. Обычно понятием «активность» принято обозначать деятельность человека, его конкретные действия, направленные на удовлетворение потребности. С нашей точки зрения, активность в собственном смысле этого слова (особенно активность субъекта) означает не столько активные моторные, двигательные, сколько активные ментальные действия, которые осуществляются во временной развертке, а именно в аспекте ретроспективы и перспективы.

Для удобства проведения дальнейшего анализа дадим общую характеристику психологических механизмов ретроспективного и перспективного планов, выделим конкретные приемы, позволяющие личности проявлять свою субъектную активность, а затем представим процесс взаимного функционирования разных по своей направленности механизмов.

Ретроспектива

Под ретроспективной (*от лат. retrospectare – взгляд назад*) принято понимать обращение к прошлому, обозрение того, что было раньше. В самом понятии ретроспективы, однако, не улавливается цель и приемы «обращения к прошлому», в явном виде не представлены механизмы ретроспективного поиска. Общей стратегией обращения к прошлому можно считать *ретросказание*. Как философская категория ретросказание исследовано очень детально и в целом представляет собой процесс восстановления прошлого по неполным данным (Никитин, 1966, 1970, 1981). По существу ретросказание имеет дело с объектом прошлого и основано на соблюдении временных законов. «Последние позволяют совершить “межвременной переход” от наличной информации о настоящем (или прошлом) к новой информации о прошлом» (Никитин, 1981, с. 16) таким образом, что «положение, отображающее исследуемый объект, должно явиться результатом всего ретросказательного исследования» (Никитин, 1970, с. 230).

Ретроспективная активность основана на принципе обратимости и предполагает возвращение к истокам, которое совершается с определенной целью. Цель эта состоит в пересмотре своего опыта, в стремлении обнаружить в нем дополнительные возможности либо, наоборот, в желании оправдать свои неудачи ссылками на негативные переживания. Из этого следует, что ретросказание может проявляться в виде разных психологических механизмов и не обязательно характе-

ризует активность человека только как субъекта жизненного пути. В несубъектных формах активности преобладают эмоциональные механизмы, интуитивные переживания и озарения, которые тем не менее могут стать основой ретросказания, построенного на когнитивной переоценке прошлого, ведь «интуиция (наглядность) ведет к зачаткам логики, выступающей, правда, пока еще в форме репрезентативных регуляций, а не операций» (Пиаже, 1969, с. 184). Ключевыми механизмами конструктивной переработки опыта, с нашей точки зрения, являются такие приемы, которые построены одновременно на переживании, рассуждении, на способности к переносу трансформированного опыта из прошлого в настоящее посредством «межвременного перехода» и далее к его присвоению.

В качестве конкретных *психологических механизмов*, реализующих ретросказание как общую стратегию обращения к прошлому опыту, мы выделили регрессию, эмоциональную переоценку и когнитивную реконструкцию. Учитывая тот факт, что ретросказание представляет собой процесс восстановления прошлого по неполным данным, каждый из этих механизмов следует рассмотреть с точки зрения восполнения когда-то утерянного (или искаженного) опыта, необходимого для полноценного функционирования субъекта в его настоящем и будущем. Как система действующих механизмов регрессия, эмоциональная переоценка и когнитивная реконструкция взаимно дополняют друг друга. Регрессия обеспечивает переход на более раннюю стадию развития, который позволяет ментально преодолевать временные границы. В этом смысле активность субъекта выходит за пределы актуальной ситуации, охватывая в ретроспективе всю историю жизни человека. На важную роль регрессии в развитии личности указывали К. Юнг, К. Левин и другие известные исследователи. По мнению Юнга, движение назад обеспечивает значительное продвижение вперед. К. Левин считает, что в регрессии можно усматривать как стратегии выживания, так и стратегии отступления. Последние препятствуют развитию личности (Левин, 2001).

Будучи основанием возвращения в прошлое, регрессия обеспечивает работу других психологических механизмов – механизмов эмоциональной переоценки и когнитивной реконструкции. Первый восполняет дефицит побуждения, представляя собой своеобразный мотивационный механизм, посредством которого обращение к прошлому становится эмоционально значимым событием. В этом случае оно характеризуется не только поиском необходимой информации, но и особыми переживаниями, которые вызваны интересом к своей личной истории, стремлением ее дополнить или пересмотреть. Второй меха-

низм основан на логике и рассуждении, на знаниях, позволяющих реконструировать свою жизнь, избавляясь от белых пятен в своем прошлом, от искаженной информации о себе, от интроекций, которые явились неверной интерпретацией другими людьми собственного характера, поступков, ценностей, предпочтений. Когнитивная реконструкция возможна только в том случае, когда одновременно запускаются механизмы регрессии и эмоциональной переоценки, создающие основу для пристрастного отношения субъекта к событию прошлого с целью последующего осмысления и переосмысления своей истории. Процесс когнитивной реконструкции состоит в придании нового смысла какому-либо факту индивидуальной истории, в стремлении прояснить, эксплицировать этот факт, привести знания о нем в соответствие со своими ощущениями, избегая искажений, двойных стандартов. В некоторой степени эта познавательная стратегия соответствует приемам, используемым исследователем для проверки научных гипотез. Как отмечают И.О. Александров и Н.Е. Максимова, исследователь стремится осуществить реконструкцию психологических явлений на основе характеристик объективного мира, найти соответствие между атрибутами предмета исследования (психологических структур и процессов) и свойствами объекта исследования (индивидов или социальных общностей). «Таким образом, правила реконструкции задаются как отношения *подобия* (гомоморфизма) между строением и свойствами гипотетического предмета исследования и свойствами объекта, на основе которых происходит последовательная фальсификация гипотез разного уровня общности» (Александров, Максимова, 2006, с. 344). Обсуждая механизм когнитивной реконструкции, мы также склонны использовать термин «подобие», поскольку он отражает суть этой процедуры. Тем не менее исследовательская стратегия и индивидуальная практика не могут быть абсолютно идентичными. В процессе жизни человек как субъект своего развития может нуждаться в том, чтобы привести в соответствие свою оценку прошлого тем переживаниям, которые возникли у него в определенный жизненный момент, возможно, в далеком детстве. Несовпадение переживаний и оценок есть следствие неверной символизации того или иного опыта ребенка взрослыми. Реконструкция, переоценка этого опыта позволяют человеку овладеть им, стать субъектом своей жизни, правильно понимать и принимать ее как собственное достояние. «Когда подросткам или взрослым случается пережить “внезапное озарение”, касающееся их собственного происхождения или более дальних предков... то замечено, что после того как что-то прозвучало, т.е. было *названо словами*, вслед за первоначальным шоком, человек принимается вспо-

минать совершенно забытые им обрывки разговоров, врезавшиеся в подсознание, но не получившие объяснения установки, болезненные симптомы, неосознанно принятые за важные решения» (Эльячэфф, 1999, с. 172). И если для ученого, по мнению И.О. Александрова и Н.Е. Максимовой, реконструкция факта связана с возможностью дедуцировать новые следствия из теоретической гипотезы с целью планирования и проведения будущих исследований, то для любого человека как субъекта жизненного пути (в том числе, конечно, и ученого) ретроспективное обследование прожитого, его эмоциональная переоценка и когнитивная реконструкция определяют перспективы будущей жизни, связывая воедино прошлое, настоящее и будущее в их недизъюнктивности.

Перспектива

Под перспективной (*от лат. perspicio – смотреть сквозь, проникать взором*) принято понимать ясное видение чего-либо, предвидение. В самом понятии перспективы так же, как и в понятии ретроспективы, не представлены цель и методы «обращения к будущему», не просматриваются механизмы перспективного поиска. В качестве общей стратегии исследования будущего можно определить *предсказание*. Принято считать, что предсказание включает в себя вывод о существовании неизвестных ранее фактов, объектов, свойств, связей между явлениями, сделанный на основе теоретических представлений. «Выделяя предсказательную функцию, научное исследование осуществляет теоретическое построение объектов будущего (наблюдения или существования). Аналогичным образом в ретросказании теоретически реконструируются объекты прошлого» (Никитин, 1970, с. 16). В перспективном взгляде на будущее для конкретного субъекта, личности содержится потребность не только в реконструкции настоящего с целью достижения успеха, положительных результатов, но и ментальное продление своей жизни, которое нередко коррелирует с физической продолжительностью жизни. В известном высказывании «запрограммируйте себя на бесконечность» (Р. А. Уилсон) заключен глубокий экзистенциальный смысл. В нем заложена мысль о важности человеческих деяний, об их принципиальной неисчерпаемости, о преемственности между поколениями, о ценности конкретной жизни. Предвидение через предсказание претендует на объективность исследования будущего, на получение точного ответа на вопрос о последствиях того или иного события настоящего. «Предвидение выражает знание о любых явлениях и событиях будущего, выступая как способность человека посредством знания законов объективного мира предугадывать

наступление будущих событий или объектов действительности» (Никитина, 1965, с. 3). Однако предсказание как стратегия субъекта жизни отличается от научного предвидения тем, что в нем отражается пристрастность отношения человека к своему будущему, просматривается установка на позитивный исход события, на успех, на достижение благополучия. Возможность планирования успеха, его продолжительности, устойчивости характеризует человека как активного субъекта своей жизни, подтверждая его авторство, а следовательно, и факт принятия ответственности на себя за свои решения (К.А. Абульханова-Славская).

В качестве *психологических механизмов*, реализующих предсказание как общую стратегию обращения к будущему опыту, мы выделили антиципацию и мотивационное опосредование. По мнению Е.А. Сергиенко, в понятии «антиципация» воедино связаны прошлые, настоящие и будущие события. Антиципация представляет собой «имманентное свойство любого психического процесса» и поэтому не может быть отнесена только к «высокоорганизованным творческим процессам» (Сергиенко, 2006). Показано, что уже младенцы способны к антиципации событий и к репрезентации объектов и явлений на основе базовых принципов организации воспринимаемой информации, что конкретно проявляется не только в эффектах пространственно-временного упреждения событий, но и в избирательности, направленности, целевой детерминации и планировании действий. Говоря об антиципации как проявлении активности субъекта, мы склонны ориентироваться на концепцию уровневого строения антиципации, разработанную Б.Ф. Ломовым и Е.Н. Сурковым (1980). Как имманентное свойство любого психического процесса антиципация специфическим образом проявляется в активности субъекта и относится не столько к упреждению результата сенсомоторной, перцептивной, репрезентативной (уровень представлений), речемыслительной и субсенсорной активности, сколько к предсказанию причинно-следственных связей между жизненными событиями, регулируемому субъектом в зависимости от изменения жизненных обстоятельств. Как известно, антиципация выполняет когнитивную, регулятивную и коммуникативную функции, которые в активности субъекта проявляются в способности к целеполаганию и к достижению цели при обеспечении определенного уровня коммуникативной компетентности. Последняя обнаруживает себя в умении поддерживать и развивать значимые связи с другими людьми, переходя на новый уровень функционирования.

В процессе предсказания, как и в ходе ретросказания, активность субъекта нуждается в определенном мотивационном подкреплении.

Для ретросказания характерна эмоциональная переоценка, для предсказания – мотивационное опосредование. Если эмоциональная переоценка происходит по типу мотивационного обусловливания, т.е. в виде передачи эмоционального значения ранее индифферентному объекту (признаку, свойству), то мотивационное опосредование предполагает надделение особым смыслом новой реальности, пока еще представленной лишь ментально.

Традиционно опосредование определяется как процесс получения знания, названного дискурсивным, или демонстративным, путем обоснования данными опыта и логическим рассуждением; это определение вещи (понятия) через раскрытие ее отношения к другой вещи (понятию) (Розенталь, Юдин, 1968). Мотивационное опосредование как механизм состоит в том, что ожидаемые достижения (или предполагаемые неудачи) не только антиципируются как когнитивные конструкты в виде образов, схем, моделей, но и приобретают особую *ценность* для субъекта, мера которой определяется им самим. Рассматривая механизмы как закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способы преобразования, в результате которых появляются различные психологические новообразования, повышается или понижается уровень организованности личностной системы, меняется режим ее функционирования (Л.И. Анцыферова), мы склонны считать, что мотивационное опосредование состоит в преобразовании мотивационной системы путем произвольного (или спонтанного) повышения ценности одного предмета и, возможно, снижения ценности другого. Согласно И.В. Имедадзе, найти новое поведение – значит найти поведение с бóльшей субъективной ценностью. Приобретая определенную ценность, поведение получает внутреннее, субъективное оправдание сделанного выбора, что делает его принадлежащим психической реальности (Имедадзе, 1991). Таким образом, мотивационное опосредование как механизм проявления активности субъекта обнаруживает себя в преобразовании внутреннего мира, в саморегуляции одной из наиболее устойчивых личностных систем – системы мотивов.

Активность субъекта: теоретическая модель

Подводя итоги, следует обобщить результаты проведенного анализа и представить теоретическую модель, объясняющую активность субъекта в процессе жизни. Сформулируем ключевые положения этой модели.

1. Активность субъекта проявляется в особой временной развертке, представленной ретроспективой и перспективой. Ее принципиаль-

ное отличие от классической триады прошлое–настоящее–будущее состоит в свободе ментального передвижения в пространстве времени, учитывая законы *обратимости* мысли. При этом движение может происходить как попеременно, так и одновременно в обоих направлениях. В последнем случае это необходимо тогда, когда ожидаемое событие является следствием переоценки свершившегося события и определяется степенью его проработки. Отсутствие некоторой точки отсчета (например, фиксированного настоящего) снимает проблему прерывности жизненного процесса и его строгое разграничение в соответствии с метрикой физического времени. Безусловно, активность субъекта проявляется в его деяниях и умонастроениях, в его продуктивности и не может быть изолирована от деятельности, бытия (Трубников, 1987), однако, с нашей точки зрения, активность в реальной деятельности обусловлена способностью субъекта ментально выходить за ее границы, тем самым обеспечивая ее наибольшую оптимальность, недизъюнктивность, перспективность, осмысленность и результативность.

2. Ретроспектива как обращенность субъекта к своей истории конструируется методом ретросказания, позволяющим представить ее не только образно, но и вербально, т.е. путем символизации опыта с помощью слова. Психологическими механизмами выступают регрессия, эмоциональная переоценка и когнитивная реконструкция, с помощью которых осуществляется процесс восстановления своей истории по неполным данным. Иными словами, к значимым составляющим этого процесса относятся ментальный переход на более раннюю стадию развития (регрессия), мотивационное обусловливание (эмоциональная переоценка) и переосмысление прошлого (когнитивная реконструкция). Обращение к своему опыту с целью его проработки представляет собой форму активности субъекта, которая имеет тенденцию к самовосполнению, усилению вследствие интеграции этого опыта в историю своей жизни вне зависимости от степени его травматичности (Тарабрина, 2009).

3. Перспектива как продолжение субъектом своей истории строится средствами предсказания, которые в отличие от научного метода предвидения включают в себя ожидания, связанные с достижением благополучия и успеха. Тем не менее активность субъекта в форме предсказания учитывает не только возможность достижения успеха, но и вероятность неудачного исхода события в будущем, однако последняя чаще всего планируется как возможность, которую следует обойти, избежать. Психологическими механизмами выступают антиципация и мотивационное опосредование. Понимая антиципацию не

только как упреждение результата сенсомоторной, перцептивной, репрезентативной (уровень представлений), речемыслительной и субсенсорной активности, но и как способность к предсказанию причинно-следственных связей между жизненными событиями, регулирующему субъектом в зависимости от изменения жизненных обстоятельств, мы усматриваем в ней организацию времени и бытия жизни с точки зрения планирования и реализации целей в определенном коммуникативном пространстве. Мотивационной составляющей этого процесса является произвольное (или спонтанное) изменение внутренних предпочтений, поиск, согласно И.В. Имедадзе, поведения с бóльшей субъективной ценностью.

4. Взаимное функционирование психологических механизмов как реализация активности субъекта позволяет понять природу этого процесса, представить его в неделимости на отдельные топологии с фиксированной хронологией (прошлое, настоящее, будущее). Описанные механизмы относятся к разным составляющим активности субъекта, отражая в своем единстве мотивационные, эмоциональные, когнитивные и коммуникативные процессы. Специфичность этих процессов относительно ретроспективы и перспективы не исключает возможности их взаимопересечения и взаимообусловливания. Такое взаимодействие проявляется в том, что эмоциональная переоценка эпизодов личной истории может стать причиной формирования новых предпочтений относительно перспективных вариантов этой истории и, наоборот, изменение субъективной ценности ожидаемых достижений способно повлиять на интерес к прожитому и вызвать эмоциональные переживания, сопутствующие процессу ретросказания. Аналогичным образом антиципация, которая проявляется, например, в форме целеполагания, инициирует воспоминания об идентичных планах в прошлом, активизирует поиск причин их неудачного воплощения, который в свою очередь опосредует процесс антиципации. Эти аналогии позволяют нам сделать вывод о том, что активность субъекта, представленная в ретроспективе и перспективе жизни, непрерывна и определяется двумя базовыми особенностями – своей *обратимостью* и *внутренней связанностью*, т.е. возможностью проживания разных эпизодов личной истории – истории длинной в жизнь, между которыми существует «смысловая перекрестная связь» (Юнг, 2003). Выходя за пределы актуального времени, охватывая в своем единстве ретроспективу и перспективу жизни, активность способна нарушать ее границы, находя продолжение в продуктах своего жизнетворчества.

Итак, активность человека – одна из самых сложных и одновременно интересных проблем современной науки. Неоднозначность ее

толкования вызвана разными причинами, часто парадигмального характера. При этом рассогласование в понимании природы активности, на наш взгляд, не является поводом для серьезного беспокойства. Другое дело – вопрос о приоритетном изучении именно активности по сравнению, например, с пассивностью, с созерцанием и т.д., который до сих пор остается без ответа. Несмотря на это, обращение к такому особому опыту человеческой жизни, как созерцание, привлекает к себе все большее внимание. По словам Л.И. Анцыферовой, критериями прогрессивного развития личности являются «углубление, растущая многоуровневость и системность ценностно-смысловых отношений человека к миру, реализующихся в его созидательной деятельности, общении, активном созерцании...» (Анцыферова, 1918). Все эти проявления человека в мире характеризуют его «как субъекта *своего собственного* развития», проявляющего и развивающего свои уникальные возможности.

Библиографический список

Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 4.

Абульханова К.А. С.Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М., 2000.

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.

Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.

Александров И.О., Максимова Н.Е. Экспериментальная методология Я.А. Пономарева и принцип реконструкции // Психология творчества Я.А. Пономарева / под ред. Д.В. Ушакова. М., 2006.

Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981.

Анцыферова Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2, № 2.

Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990.

Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М., 2006.

Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.; СПб., 2003.

Брушлинский А.В. С.Л. Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологической науке // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.

Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984.

Джидарьян И.А. Категория активности и ее место в системе психологического знания // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л.И. Анцыферовой. М., 1988.

Имедадзе И.В. Категория поведения в теории установки. Тбилиси, 1991.

Левин К. Регрессия, ретрогрессия и развитие // Динамическая психология: избр. тр. М., 2001.

Леонтьев А.Н. Категория деятельности в современной психологии // Вопросы психологии. 1979. № 3.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М., 1994.

Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М., 1980.

Никитин Е.П. Метод познания прошлого // Вопросы философии. 1966. № 8.

Никитин Е.П. Объяснение – функция науки. М., 1970.

Никитин Е.П. Природа обоснования (субстратный анализ). М., 1981.

Никитина А.Г. Гносеологическая природа научного предвидения: автореф. дис. ... канд. филос. наук М., 1965.

Петровский А.В., Петровский В.А. Личность и ее активность в свете идей А.Н. Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. ст. памяти А.Н. Леонтьева / под ред. А.В. Запорожца и др. М., 1983.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М., 1969.

Розенталь М.М., Юдин П.Ф. (Ред.) Философский словарь. М., 1968.

Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М., 2006.

Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика». М., 2009.

Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М., 1987.

Трубников Н.Н. Понятие времени с точки зрения цели // Время и бытие человека / отв. ред. М.А. Розов, Е.Л. Черткова. М., 1991.

Эльячефф К. Затаенная боль. Дневник психоаналитика. М., 1999.